

«Тук, тук»

12 апреля

22.19

Что касается здешних развлечений, буду краток. Здесь есть комната отдыха, оборудованная телевизором, видеомагнитофоном и DVD-проигрывателем. В деревянной тумбочке, на которой стоит телевизор, полно DVD-дисков. Проверив содержимое тумбочки, я нашел на видеокассете свое старое любимое кино, «Человек Омега». По какой-то причине я не смог заставить себя посмотреть его. Это все равно, что смотреть фильм про войну, находясь на передовой.

Днем решил побегать вдоль внешнего забора. Прежде чем выйти наружу, проверил камеры слежения, убедившись, что твари все еще там, где я видел их в последний раз, а именно у входной двери объекта. Сделав почти пятьдесят кругов вдоль забора, я вернулся внутрь и по-быстрому принял душ. Я привык рассчитывать время для экономии воды. Это напоминает мне «учебку» и школу офицеров, где мне приходилось наносить шампунь на волосы, прежде чем идти в душ, чтобы сэкономить время на мытье. Я укладывался в минуту.

Другие, похоже, не имеют понятия ни о дисциплине, ни об экономии. Не могу требовать, чтобы все вели себя как роботы. Возможно, проблема во мне. Из-за своей контузии я вернулся к логичной и бесстрастной реакции на данную ситуацию.

Тщательно проверяя объект несколько дней назад, мы нашли подходящий выход наружу, не лазая по лестнице шахты всякий раз. Мы обнаружили лестницу, ведущую, как мы поняли, к маленькому кирпичному зданию с выкрашенной в серый цвет стальной дверью.

Так как эта дверь вела к поверхности рядом с ракетной шахтой, мы решили, что использовать ее будет лучше и безопасней.

Сегодня мы с Тарой провели время вместе. Становимся друзьями. Под нашим строгим контролем мы позволили Лауре и Аннабелле выйти поиграть в периметре. Вчера днем мы с Джоном выходили наружу. С помощью бечевки и четырех деревянных столбов, взятых из отсека техобслуживания, сделали временную ограду вокруг входа в ракетную шахту. Джон, похоже, разобрался, как проникнуть в нужную область компьютерной системы, но боялся по ошибке открыть главные входные двери объекта. Открыв ящик Пандоры, мы быпустили внутрь сотни демонов, из-за чего пришлось бы изолировать большую часть строения.

Глядя, как Лаура играет с Аннабеллой, я на время забыл о нежити. Лишь через полчаса, когда ветер донес до меня стоны мертвецов, я вспомнил, какие ужасные обстоятельства привели нас сюда, в Отель 23. Как только вместе с симфонией жутких стонов ветер стал доносить до нас запах тления, я позвал всех внутрь.

14 апреля

23.57

Сегодня примерно на два часа отключался свет. Включилось резервное питание, и весь комплекс осветился боевым красным светом. Похоже, начинает барахлить энергосистема. Точно определить невозможно. Свет включился в 23.30. Уверен, что система автоматизирована, так как сомневаюсь, что какой-нибудь добросовестный электрик будет обслуживать свой пост в подобные времена.

15 апреля

19.20

Сегодня ночью собираюсь провести разведку территории с помощью ПНВ. Буду избегать скопления нежити у главного входа. Территория с четверть мили за маленьким холмом. Джон будет наблюдать через камеры слежения.

Я сказал ему, что при малейшей угрозе я отведу тварей подальше от комплекса, так что пусть не беспокоится. Во всяком случае, в темноте они, похоже, не видят. Возможно, я становлюсь самоуверенным, и недооцениваю тварей. Знаю, что в большом количестве они смертельно опасны. Хотя, они смертельно опасны и в одиночку.

Сегодня я четыре раза слышал странный механический звук. Один раз я поспешил в комнату контроля за экологией, чтобы посмотреть, не там ли его источник. Оказалось, что нет. Звук исходил откуда-то из недр комплекса. Это может быть какой-нибудь насос, или аварийная система, не знаю. В этом году я впервые опоздал заплатить налоги.

16 апреля

14.09

Ночью патрулировал территорию. Перед тем как выйти, мы с Джоном тщательно проверили дневные снимки со спутника. Территория была обнесена двойным забором, доступ к главному входу был только через подземный тоннель, или через второй забор. Еще на снимках я заметил что-то типа небольших групп тел на земле в северо-восточной части комплекса. Я вышел по лестнице наружу. Попросил Джона выключить на моем участке свет, чтобы прибор ночного видения смог настроиться на темноту. Я подождал двадцать минут, пока прибор полностью не настроится.

Я натянул ПНВ на глаза, затянул ремни, и открыл люк. Холодный ночной воздух пах весенней жимолостью. Я шагнул за порог в «их» мир. Закрыв за собой люк, я взял с плеча одеяло и

накинул его на забор в том же месте, где мы перелезали в прошлый раз.

У меня был код доступа к воротам, но я не хотел возиться с кодовым замком в адреналиновой спешке. Одеяло в данной ситуации было более безопасным способом пересечения забора. Сейчас оно было порвано во многих местах, и еще через пару раз использования сгодится лишь на костер. Оставив его висеть на колючей проволоке, я спрыгнул по другую сторону забора, и двинулся вдоль периметра по часовой стрелке.

Включив на ПНВ инфракрасный режим, я увидел на территории множество ночных животных. Ночью здесь полно было кроликов, мышей и белок. Надо иметь в виду на будущее эту потенциальную пищу. Я обогнул первый угол забора и зашагал дальше.

Покинув знакомую территорию, я вошел в ту часть комплекса, где никогда не был. Между нашим забором и другим был промежуток в три сотни ярдов. Я прикинул, что Джон сейчас как раз подо мной, на глубине восьмидесяти футов. На углу забора я увидел яркие огни камер наблюдения, следящих за моим перемещением. Они тоже работали в инфракрасном режиме, поэтому в моих очках ПНВ выглядели маячками. Примерно через минуту я оказался у второго забора. Это был северо-восточный его угол. Стоны мертвецов и запах тлена усилились. Сейчас я был вне зоны охвата большинства камер наблюдения.

За вторым забором я увидел сваленные в груды тела, а вдалеке с трудом различил основную массу мертвецов, беспрестанно молотящих кулаками в главные двери. Пригнувшись, я тихо приблизился к трупам. Чем ближе я подходил, тем яснее для меня становилось произошедшее здесь. Весь забор был в многочисленных дырах, оставленных, похоже, огнем из автоматического оружия. Трупы на земле были жертвами стрелка, находившегося по эту сторону забора. Лежали они там давно. Их голая кожа была покрыта личинками и другими насекомыми.

Я исследовал внутренний периметр второго забора на предмет стрелка, но не увидел ничего, кроме высокой травы. Этот забор должен огораживать что-то важное, но я не вижу никаких больших стальных люков, какие мы нашли у первого забора. Не могу не думать о том, что кто бы не перестрелял упырей, он наверняка отступил во тьму бункера. Мы исследовали весь объект и не нашли никого, ни живых не мертвых. Мои мысли вернулись к прерывистому механическому звуку.

Я проверил забор в местах повреждений, и нашел, что его повредило. Размером дыры были не больше человеческой руки. На рваных краях сетки были пятна засохшей крови и куски кожи. Похоже, некоторые твари на самом деле тянулись сквозь дыры к своему палачу.

Я тихо развернулся и двинулся назад тем же путем, что и пришел. Вместо того, чтобы идти прямо к первому забору, я выбрал другой маршрут. Я прошел между заборов в западную часть комплекса. Снова обратил внимание на длинную и ровную покрытую травой полосу. Я заметил ее, как только впервые нашел это место. Здесь можно было легко посадить или поднять небольшой самолет. Было бы не плохо где-нибудь найти такой. Все-таки летать это не ездить на велосипеде, нужно постоянно поддерживать себя в форме. Я перепрыгнул через забор, забрал одеяло, вернулся в комплекс и стал рассказывать остальным, что я видел.

19 апреля

12.11

Ночью я вернулся из трехдневного похода за припасами и необходимым оборудованием. Я ранен, опять чуть не погиб. Джону повезло больше, у него только поцарапано лицо. Одна из тварей зацепила его. Мы почти все время были на ногах.

С помощью атласа и навигационной карты для пилотов, которая была у меня еще до этого, мы смогли определить расстояние до ближайшего аэродрома. В соответствии с картой, на северо-северо-востоке, в 20 милях от Отеля 28 был маленький частный аэродром Игл Лейк. Ночью, накануне нашего отбытия, мы с Джоном смогли получить спутниковый снимок всего района, и действительно, на фотографии были видны две параллельные бетонированные взлетно-посадочные полосы. Ангар и, похоже, два небольших самолета, припаркованных у маленькой башни. Когда мы уменьшили масштаб, примерно в восьми милях от аэродрома также виднелась тонкая нить 10-го шоссе. Мы знали, что для безопасного возвращения нам мог бы понадобиться транспорт, поэтому наехали «зумом» на шоссе к северу от аэродрома. Вся автострада была усеяна брошенными машинами. Это главная ветка, соединяющая руины Сан-Антонио с городом Хьюстоном.

По шоссе бродили толпы нежити. Мы с Джоном подумали, что вряд ли поход к автострате будет продуктивным. Холодный утренний апрельский воздух ворвался в люк, когда мы повернули рычаг запора. Цвели цветы, и день обещал быть прекрасным. Мы с Джоном нагрузились оборудованием. Он ввел код доступа, отпирающий ворота, вновь связывая нас с враждебным миром.

Мы отправились в путь, держась зарослей и деревьев. Когда мы впервые приблизились к главному входу, мы смогли увидеть наших «швейцаров» воочию, без помощи цифрового увеличения. Мы с Джоном по очереди наблюдали в бинокль из кустов. Описать их можно двумя словами — голодные и злые. Сомневаюсь, что кто-то может понять, откуда взялась их неугасающая злоба по отношению к живым. В любом случае я не хочу знать.

Меня выворачивало наизнанку, когда они царапали тяжелые стальные двери, ломая ногти, колотили по ним кулаками, с каждым ударом оставляя коричневые влажные следы. Некоторые из них были явно возбуждены, и отталкивали других, чтобы тоже получить доступ к дверям.

Еще меня поразило то, что один из них колотил в дверь камнем. Камень был размером с бейсбольный мяч, и тварь монотонно и неумолимо колотила им в дверь. Знаю, почему мы не слышали этого раньше. Просто эти двери были первыми из трех дверей, отделяющих нас от внешнего мира. Твари явно сохранили какое-то первоначальное чувство насчет них.

Прежде чем покинуть Отель 23, мы попробовали отпечатать спутниковый снимок и взять его с собой, в качестве визуального ориентира. По какой-то причине защита в панели управления не позволила сделать распечатку снимков из папок «Спутниковая разведка». Нам пришлось делать примечания и наброски в нашем атласе, изображающие интересующие нас ориентиры.

Понаблюдав несколько минут за орудующим камнем трупом, мы продолжили путь на север, к Игл Лейк. Мы продирались сквозь неровную, суровую местность, периодически ранив ноги о колючий кустарник. После часа ходьбы, стараясь оставаться незамеченными с двухполосной дороги, мы наткнулись на группу крестов, стоявших посреди поля. Кресты были разной высоты. К крестам были привязаны три оживших трупа, четвертый был мертв. Похоже, местные птицы выклевали у него из головы большую часть мозга.

Когда мы подошли ближе, другие три трупа одновременно уставились на нас своими жуткими глазами. Рыча, они вращали головами и старательно вытягивали шеи, следя за нашими перемещениями. Один из них не был связан так крепко, как другие, и он размахивал ногами, пытаясь освободиться от уз. Мы с Джоном знали, что если пристрелим их, на звуки выстрелов обязательно придут другие. Пытаясь вырваться на свободу, мертвецы расшатывали все кресты.

Мы решили покинуть это место, и двинуться дальше на север. Когда мы ушли с этого проклятого поля, мне стало интересно, какие такие коварные злодеи потратили время, сделали кресты, поставили их, и распяли четырех мертвецов. И тут мне в голову пришла очень тревожная мысль: А что если эти твари не были мертвы, когда их распинали?

Я не стал делиться соображениями с Джоном, так как эти опасения нам сейчас ни к чему. Подойдя к границам поля, мы перелезли через ограду с колючей проволокой, и отправились на открытые равнины Техаса.

Не знаю, двигала ли мной надежда снова подняться в воздух, или просто банальный интерес. Наверняка знаю одно. Мы в глубокой заднице, и с этим не поспоришь. Даже большой паук не стоит армии муравьев.

Мы направились к ангару по той простой причине, что нам нужны специфические принадлежности, типа ножовки для сейфа с оружием, а еще самолет был бы очень хорошим средством спасения. И если мы сумеем избавиться от нежити у передних дверей, самолет будет хорошим средством разведки.

Я вспомнил спутниковые снимки аэродрома. Конечно, они были сделаны под прямым углом, потому как съемка велась из космоса. Я хорошо разглядел силуэты самолетов, но, раз я видел профиль крыльев лишь сверху, я не уверен, 172-ые это «Сессны», или 152-ые. Хотя не важно. Мысль о том, что я снова смогу летать, подняла мне настроение. Мы с Джоном продолжили путь к аэродрому Игл Лейк. На часах было 19.00, когда мы впервые почувствовали этот запах. Это не запах гниющих мертвецов. Это было похоже на запах озерной воды, принесенный северным ветерком. Когда мы поднялись на очередной холм, перед нами раскинулась водная гладь.

Согласно атласу, озеро Игл Лейк было не очень большим водоемом. Похоже, оно было радо нам, хотя после того случая на доках, бог знает, что прячется в его темных водах. Аэродром был рядом, но мы знали, что надо найти место для ночлега, пока не стемнеет. С другой стороны озера была дорога. Я взял бинокль и увидел, что на обочине дороги стоит большой стального цвета автобус «Грейхаунд», а рядом несколько машин поменьше.

Я несколько минут изучал автобус, убеждаясь, что ни внутри него, ни снаружи нет никакого движения. Передал бинокль Джону, и он сделал тоже самое. Мы осторожно двинулись вдоль озера к дороге. Когда мы подошли к двухполосному шоссе, солнце было опасно низко. Здесь было множество брошенных машин, но нежити видно не было. Но я знал, что они здесь, просто мы их не видим. Держа оружие наизготовку, мы двинулись к «Грейхаунду». Ничего. Я опустил на одно колено, держа оружие перед собой, и шепнул Джону, чтобы он встал мне на плечи и заглянул в автобус.

Повторив эту процедуру через каждые шесть футов на протяжении всей длины автобуса, мы убедились, что он пуст. Мы оба были на взводе. Я не особо ожидал увидеть еще одного гнилого ублюдка, но знал, что рано или поздно это произойдет. Я подошел к двери автобуса и легко открыл ее. Водительский отсек не было закрыт, и ключи были на месте. Я сильно сомневался, что аккумулятор еще работает, но меня это не волновало. Это всего лишь наш отель на ночь.

Я осторожно вошел в автобус. Джон следовал за мной. Мы закрыли тяжелую входную дверь и заперли ее на задвижку, чтобы ее невозможно было открыть снаружи. Тут волосы зашевелились у меня на затылке оттого, что я заметил в дальнем конце салона. В проходе лежала человеческая рука. Похоже, в поздней стадии разложения.

Джон остался сзади, держа под прицелом периметр салона. Я же пошел проверить. Держа оружие наизготовку, я двинулся в заднюю часть автобуса. Пройдя две трети пути, я увидел, что это всего лишь рука. Я надел свои перчатки из ноекса, тихо открыл окно и выбросил этот кусок мяса с костью наружу. Все заднее сидение было чем-то измазано, оказалось, что это высохшая кровь. Я подал Джону знак, и мы стали осторожно располагаться здесь (предварительно дважды проверив все сидения).

У меня было два комплекта батареек для ПНВ, но я экономил их, пользуясь очками лишь в случае крайней необходимости. Так что ночь мы провели в темноте, не считая лунного света. Большую часть ночи мы с Джоном шепотом обсуждали план дальнейших действий. Аэродром не был отмечен на дорожном атласе, поэтому нам нужно будет вычислить его местонахождение по моей аэронавигационной карте. Атлас и карта были выполнены в совершенно разных масштабах, поэтому нам потребуется какое-то время, чтобы отыскать его.

Этой ночью я уснул под шум дождя по стальной крыше. В районе трех часов ночи я внезапно проснулся от грома и вспышек молний. Я протер глаза и пришел в себя, выглянув в полутонированные окна автобуса. Молнии участились, и я обрадовался, что мы внутри. При очередной вспышке я заметил очертания человеческой фигуры в метрах 20-ти. Это была как раз та крайняя необходимость, поэтому я быстро надел ПНВ. Это оказался не человек, а одинокий труп какого-то бродяги, с рюкзаком за спиной. Я видел, как сквозь кожу выпирают его скулы, когда тварь покачивалась вперед-назад. У него был рюкзак, который не просто одевается на спину, но и крепится лямками на груди, чтобы оставаться при ходьбе в устойчивом положении. Тварь ощерила зубы в вечной улыбке, вода ручьем лилась по ее безжизненному телу.

Она не видела нас. Джон все еще спал. Я не стал будить его. Вскоре мертвый бродяга двинулся дальше, скрывшись в темноте техасской ночи.

На следующее утро (17-ого числа), мы тихо упаковали вещи и собрались в дорогу. Выходя из салона, я попросил Джона прикрыть меня, а сам из чистого любопытства решил проверить двигатель автобуса. Естественно, это вызовет шум, но я просто хотел знать, жив ли еще аккумулятор. Я повернул ключ и взялся за пусковой переключатель. Автобус не издал ни звука. Он был мертв, как и тот ночной бродяга. Мы с Джоном отправились на поиски аэродрома.

После пары часов поисков мы нашли взлетно-посадочные полосы. Оказалось, это недалеко от главной дороги. Они выглядели точно так же, как на спутниковых снимках, поэтому я почти уверен, что мы в нужном месте. Вдали я различил очертания двух самолетов, припаркованных у башни. Мы осторожно приблизились к огораживающему аэродром забору, то и дело, останавливаясь и прислушиваясь. Этот забор не был опутан сверху колючей проволокой, поэтому мы с Джоном легко перебрались через него. Аэродром хорошо просматривался. Движения нигде не было заметно. На некоторое время мы почувствовали себя в безопасности.

Похоже, всякая активность нежити здесь отсутствовала. Я знал, что 10-ое шоссе в нескольких милях к северу отсюда, а спутниковые снимки указывали на наличие там большого количества нежити. Возможно, они притягивают друг друга, и стекаются к автостраде, как капли воды, собирающиеся в лужу. Должно быть, это они издавали тот шум. Может это всего лишь мое воображение, но всякий раз мне кажется, что ветер доносит издавна тот знакомый ужасный звук

Но больше всего меня волновали те два самолета, если они вообще на ходу. Мы подходили к башне все ближе и ближе, не сводя глаз с этих двух птичек, стоявших близко друг к другу. Одна из них была определенно 172-ой «Сессной». Другая — 152-ая, чуть менее мощная модель. Я не спец по ремонту, но на первый взгляд они в порядке. Я снова вытащил бинокль, чтобы изучить периметр с нашей точки обзора. Ангары были закрыты, и с той стороны я не слышал никакого шума. Затемненные окна башни выглядели очень угрожающе, и я не знал, есть там твари или нет. Одно мы знали наверняка, нам придется провести ночь в башне, ради нашей же безопасности.

Мы с Джоном подошли к дверям башни. Джон прикрывал меня, когда я осторожно повернул стальную ручку, открывая дверь. Внутри было темно. Я включил фонарь на ружье и начал зачищать шахту лестницы. Ни следов крови, ни следов борьбы. Башня выглядела заброшенной.

Когда мы дошли до верха, чувство страха скоро покинуло нас. Башня была пуста. Вспомнился наш побег. Будто уже вечность прошла. Электричества в башне не было, хотя я видел, что у ангара свет горел. Похоже, выключен рубильник. Я не собирался его искать.

Нашей следующей задачей было проверить ангары, так как там, скорее всего, есть интересующие нас инструменты и материалы. Было около двух часов дня, сегодня очень жарко. Усыпив свою бдительность, мы вяло приблизились к первому ангару. Я подал Джону знак прикрывать меня, а сам распахнул дверь. Тут наша расслабленность чуть нас не погубила.

Из дверей на нас вылетел разложившийся труп в белом фартуке с шпалерными ножницами в левой руке. Не понятно, использовал ли он их как оружие, когда атаковал Джона, видимо не

замечая мое присутствие. Тварь кинулась на Джона, щелкая гнилыми зубами. Ножницы рассекли Джону щеку, и он закричал. Я услышал в ангаре еще какой-то шум. Я оттолкнул ногой тварь от Джона и повернулся к открытой двери, за которой было темно. Похоже, Джон был в порядке, но при падении он потерял сознание. У твари, которую я отбросил от Джона, теперь была новая цель... я.

Тварь медленно двинулась на меня в атаку, но было слишком поздно. Не успел я среагировать на знакомый булькающий звук, как она заехала мне ножницами в ребра. Ярость захлестнула меня. Я ударил тварь ногой в грудь, и та рухнула на землю очень близко с Джоном. Я навел прицел ей между глаз и выстрелил. Мозги, похожие на цветную капусту, тут же смешались с пылью. Ножницы по-прежнему были в руке твари, и как я полагаю, они были там уже несколько месяцев.

Я опустился на колени рядом с Джоном и несколько раз похлопал ему по лицу. Все руки у меня были в его крови. Хотя моя рана была серьезнее, крови у него было больше. Я проверил ножницы. На них была только наша свежая кровь. Шум из ангара напомнил мне о новой, подстерегающей нас, опасности. Я не оставлю Джона лежать здесь без сознания.

Я шлепал его по щекам, пока он, наконец, не пришел в себя. Я помог ему встать на ноги, и сказал, чтобы он был настороже. Источник света, который я видел у ангара, был как раз над входной дверью. Две большие ангарные двери были по обе стороны дверного проема. Я планировал войти в ангар и включить там свет.

Входя в дверь, я мельком заметил одну из тварей. У меня не было другого выбора, кроме как уничтожить ее. Яркая вспышка выстрела выявила еще шесть тварей. Я протянул руку к выключателю и включил его. Безрезультатно. Попробовал другой, тот, что ниже, и услышал грохот, как будто открывается гаражная дверь.

Я двинулся назад к двери, направив ружье вперед, в тающую тьму ангара. Джон прикрывал мне спину. Обернувшись, я увидел, что Джон очень бледный, и опирается на ружье. Я крикнул ему, чтобы он шел за мной. Время пошло. Я взял ружье наизготовку и ждал, когда появятся твари. Показалась первая.

Я убил ее с одного выстрела. За ней тут же последовали другие, возбужденные видом первой за последнее время еды. Они бросились на нас, вытянув вперед руки. Джон пытался стрелять, но пока безрезультатно. Большинство тварей я прикончил с одного выстрела, однако в двоих я дважды промазал. Последняя упала в четырех футах от меня.

В дверях и в пыли перед ангаром лежало восемь бездыханных тел. Я убил их всех. Я проверил магазин и перезарядил ружье. Джон начал приходить в себя, кровь из щеки идти перестала. Он дал мне знать, что с ним все в порядке, и что нам нужно убрать эти тела отсюда, потому что выстрелы могли слышать не только мертвецы. Мы знали, что оба думаем об одном и том же... о крестах в поле.

Мы затащили тела за угол ангара. Порыскав вокруг несколько минут, мы нашли кусок синего

брезента. С его помощью мы скроем их демоническое присутствие. Я забыл о своей ране, пока Джон не наткнулся на аптечку, висевшую на стене рядом с огнетушителем. Вскрыв ножом печать, я стал вытаскивать то, что мне нужно. Я взял йод, пластырь и марлю.

Расстегнув летный костюм, и стянул его до пояса. Кровавое пятно четко выделялось на темно зеленой майке. Я боялся ее задрать... Я медленно приподнял левый край майки, и увидел, что все не так плохо, но первую помощь оказать определенно нужно. Я взболтал бутылек с йодом, открыл его, и обильно полил рану. Было холодно, и немного жгло. Швы накладывать было не нужно. От йода кожа стала ярко оранжевой. Я приложил к ране марлю и закрепил пластырем.

Проверив забор, мы с Джоном заметили, что вдалеке собралась группа из трех мертвецов. Их привлек шум стрельбы. Они были слишком далеко, чтобы видеть нас, но все же нелегко было осознавать, что они там.

Найдя множество припасов, как то ножовку, гаечные ключи, бензонасос, распылитель смазки, и кожаную куртку «пилот», мы приступили к осмотру комнаты в ангаре. Там мы нашли множество инструкций к «Сесснам», некоторые из них устарели, но в нашей ситуации сгодятся. Важной находкой было руководство по техобслуживанию 172-ой и 152-ой модели. Мы с Джоном собрали все «подарки» и направились к самолету. Теперь у забора было уже четыре твари. Мы забрались в самолет и тут же стали по инструкции проверять его исправность.

На проверку ушло несколько минут, однако после трех попыток запустить двигатель, пропеллер, наконец, повернулся и ожил. Я запустил все приборы и проверил топливо. Есть полбака, это два часа лета. Я прикинул, что Отель 23 минутах в двадцати, так что дело не в топливе. А дело в нежити за забором, стремительно прибывающей в числе. Я заглушил двигатель, и мы вернулись в ангар за канистрой, так чтобы смогли откачать топливо из 152-ой «Сессны» в 172-ую. За забором было уже десять тварей. Они не пытались проникнуть на аэродром, а просто бродили там, привлеченные звуками выстрелов и шумом самолетного двигателя.

Мы с Джоном схватили канистру и приступили к выполнению такой утомительной задачи, как скачивание двадцати двух галлонов топлива из самолета. После двадцати галлонов 152-ой был пуст. Ну что же. Сделав в уме быстрые расчеты, я понял, что самолет продержится в воздухе примерно три часа сорок пять минут. Наше снаряжение мы загрузили на заднее сидение самолета. Каждый уголок отсека забили всем, что могли вместить. Еще я взял из ангара техобслуживания немного масла для самолета, на всякий случай.

И напоследок, я достал из 152-ой аккумулятор, и втиснул ее в грудку вещей на заднем сидении. Мы шли перегруженными, но у меня имелся подобный опыт, и на этот раз у нас есть настоящая взлетная полоса, а не грязный трек. Вечерело. У забора всего тринадцать тварей, так что я сомневаюсь, что они его обрушат. Когда мы проводили последние приготовления к полету, вдали раздались выстрелы из автоматического оружия. Услышав стрельбу, многие твари отошли от забора и двинулись на шум.

Мы понятия не имели, кто это может быть. В худшем случае (и видимо так оно и есть) это те сумасшедшие ублюдки, которые распяли тех бедолаг на поле недалеко от Отеля 23. Мы с

Джоном приготовили все, что смогли и вернулись в диспетчерскую башню, где забылись беспокойным сном.

Утром я проснулся от пронзительной боли в груди. Лицо Джона выглядело гораздо лучше, но мой порез воспалился. Я снова продезинфицировал его, и приложил чистую ткань. Было десять утра, и я понял, что нам нужно уходить. Нежити у забора уже не было, и ночью стрельбы мы больше не слышали. Теперь появилась другая проблема. Как нам улететь, сесть на травяную полосу рядом с Отелем 23, выйти из самолета, и перелезть через забор, и не быть при этом съеденными?

Мы думали над этим несколько часов, коротая день. Я выразил озабоченность, что громкий шум двигателя привлечет к нам тварей не зависимо от времени суток. Тогда Джон спросил, — А ты можешь посадить самолет с выключенным двигателем? Я рассмеялся, и сказал, что не знаю, не пробовал, разве что во время учебных полетов в контролируемой обстановке. Я хорошо обдумал его предложение, после чего согласился попробовать.

Мы терпеливо ждали наступления ночи. 18 апреля, в 20.50 мы, наконец, решили, что пора отправляться домой. Ночью, когда мы загружали постели и разное снаряжение из башни в самолет, снова раздалась стрельба. На этот раз гораздо ближе. Еще в промежутках между стрельбой мы слышали что-то похожее на рев моторов. Мы запрыгнули в самолет, пристегнули ремни, и приготовились уносить ноги. Я знал, что легко отыщу Отель 23 по камерам слежения. В ПНВ видно все, что светится в инфракрасном спектре, как маяк.

Мы проинструктировали Уильяма, чтобы он всякий раз перед сном проверял, включены ли камеры и работают ли они в инфракрасном режиме. Это наш верный способ вернуться домой. Я вывел самолет на взлетную полосу, из осторожности не включая бортовые огни. Не будет огней, ничто не выдаст наше местонахождение.

Вывернув носовое шасси с центральной линией взлетной полосы, я разглядел в прибор ночного видения многочисленные человеческие фигуры по другую сторону забора. Ни Джон, ни я не хотели знать, друзья это или враги. Я отпустил тормоза, на скорости в пятьдесят узлов поднял нос вверх, и мы снова оказались в воздухе. С помощью аэронавигационной карты я направил самолет в сторону Отеля 23.

Как только мы взлетели, я заметил внизу вспышки выстрелов. Понятия не имею, стреляли они в нас, или оборонялись. Но, памятуя кресты в поле, склоняюсь к первому.

Вскоре я заметил в ПНВ свечение многочисленных камер наблюдения. Чтобы сориентироваться, я сделал один круг, а потом поднялся на высоту 2500 футов и начал заход на посадку. Я неохотно выключил двигатель, зная, что мы в любом случае окажемся на земле. Я не знал, как запускать двигатель в воздухе, поэтому это был билет в один конец. Мое правое крыло было параллельно западной части забора (две камеры на западном углу). Я продолжал проверять высоту и скорость полета. Восемьдесят узлов, 1500 футов.

Я сделал еще один круг, на этот раз с более крутым углом крена, потому что я был слишком

высоко. Я немного снизил скорость и на высоте шесть сотен футов пошел на последний заход. Мы определенно падали быстрее, чем мне доводилось раньше. Под левым крылом у меня был Отель 23. Пространственное зрение в ПНВ было никудышное, поэтому приходилось поглядывать на альтиметр (перед взлетом я установил его на уровень моря). Три сотни, две сотни, одна, 70 узлов...

На высоте десяти футов я сбросил скорость, чтобы смягчить посадку. Пропеллер все еще вертелся, когда самолет коснулся земли сначала главной опорой, а потом и передним колесом. От жесткого удара все наше незакрепленное барахло разлетелось по кабине. Я выровнял самолет, медленно нажимая на остатки гидравлических тормозов, чтобы замедлить скорость.

С выключенным двигателем гидравлика почти не работала. Мне было наплевать на оставленные нами в самолете вещи. Я взял с собой только ружье, оставив самолет посреди поля, и бросился к забору, таща за собой Джона.

Мы добрались до забора, и Джон ввел код. Механический щелчок дал знать, что дверь открыта. Мы зашли внутрь. И закрыли дверь за собой. Наконец мы в безопасности. Этой ночью я попал из люка прямо в распростертые объятия Тары и под ее встревоженный взгляд, когда она уставилась на мою окровавленную одежду. Почти все утро я отдыхал и получал медицинскую помощь от Джен. Она, похоже, решила, что рану лучше зашить, поэтому резко вскрыла ее, прочистила и приступила к наложению швов. Я не стал спорить. Чтобы облегчить боль, я сделал несколько глотков рома «Капитан Морган», принадлежавшего некогда капитану Бейкеру.

21 апреля

21.18

Мы потратили целый день, маскируя самолет кустами и травой, и переноса припасы из кабины в Отель 23. Джон энергично изучал спутниковые снимки, пытаясь определить идентичность нашего места для атак с воздуха. Тара стала ближе ко мне с момента нашего возвращения. Завтра попытаемся вскрыть сейф с оружием с помощью ножовки

24 апреля

20.41

В отеле все спокойно. Воспаление вокруг раны спадает. Рана зудит и горит, но не болит так, как при глубоком заражении. Джен говорит, что через неделю, возможно, снимет швы. К сожалению, она использовала обычные нитки. Утром 22-ого, Уильям, Джон и я по очереди пилили огромный замок на сейфе с оружием. Каждый по десять минут.

Мы нанесли на ножовку смазочное масло, чтобы она не перегрелась и не сломалась. На то, чтобы перепилить замок, ушел почти час. Я уже почти представлял себе, что как только мы откроем дверь сейфа, оттуда вывалится труп. Конечно, такого не случилось. Нам повезло. В большом сейфе был склад оружия. Пять М-16, одна оснащена гранатометом «М-203». Не являясь опытным пехотинцем, перед тем как им пользоваться, мне потребуется его изучить.

Еще в нашей сокровищнице были два военных модифицированных дробовика «Ремингтон 870», и четыре «Беретты М-9». Когда мы начали вынимать оружие из стоек и переносит его в диспетчерскую, я заметил еще одно ружье, наполовину спрятанное в задней части сейфа, за коробками с боеприпасами. Заглянув в шкаф, чтобы рассмотреть, как следует, я увидел русский автомат. Если бы не надпись на нем, я никогда не перестал бы удивляться его нахождению здесь.

Часть надписи была сделана на английском, часть на русском:

Полковнику Джеймсу Батлеру, ВВС США

«Холодная война 1945–1989»

От Дмитрия Николаевича

Мне было не трудно догадаться, откуда здесь это оружие. При моем запущенном русском (да я и не знал его толком никогда), я все же понял смысл надписи. Этот русский АК-47 был, похоже, подарком доброй воли от одного военного павшей сверхдержавы полковнику Батлеру. Понятия не имею, кто такой Батлер, но, похоже, он командовал этим местом во время холодной войны и встречался со своим русским противником накануне распада СССР.

Мне стало интересно, что мистер Батлер подарил товарищу Николаевичу взамен. Похоже, ответ я не узнаю никогда. Автомат был в отличном состоянии. Я решил взять его в свой отсек в качестве сувенира, сувенира гораздо более полезного, чем та же рюмка.

Теперь то мы были хорошо вооружены, по крайней мере, одной единицей боевого оружия на человека. К сожалению, женщины обращаться с ним не умели, и это нужно исправить в первую очередь. Мы с Джоном снова вышли наружу, чтобы лучше спрятать самолет.

Теперь разглядеть его можно было только сверху. Мы с Джоном по-прежнему разбираемся со всевозможными системами этого комплекса. Из недр объекта все еще раздается тот прерывистый механический звук, и мы с Джоном пытаемся выявить источник. Изучив буквально с дюжину снимков, мы не нашли ни малейших следов тех, кто атаковал нас ночью на аэродроме.

Интересно, смогут ли они найти нас, просто следуя в направлении, куда улетел самолет. Знаю, что если бы я включил бортовые огни, нас бы точно тогда подстрелили. Хорошо подсвеченную мишень сбить не составило бы труда. Стрелок целился на шум двигателя.

Мы все по очереди в равные промежутки времени следили за камерами наблюдения. Джон считает, что у камер где-то должна включаться функция детектирования движения. Сейчас нам нужно почистить оружие.

26 апреля

19.54

Потратили время, но, наконец, почистили все необходимое оружие. Я не прочь бы получить боеприпасы к АК-47, так как для него нужен калибр, отличающийся от его ближайшего товарища, М-16. Весь вчерашний день я учил Тару и Джен заряжать, целиться, и подстраиваться под ветер. Думаю, что эти умения очень важны в наши дни.

Со скуки мы с Джоном сделали несколько спутниковых снимков Хьюстона, но других выживших нам найти не удалось. В какой-то момент, мы подумали, что мы в нужном направлении, так как на крыше одной высотки заметили в спешке сделанный транспарант с надписью «Помогите!». Джону не пришлось делать увеличение, чтобы понять, что «помощь» уже явилась туда в виде нежити. По крыше бродили четыре твари, похоже, те, кто при жизни и соорудил этот транспарант.

Еще мы изучали инструкции по эксплуатации дизельного генератора. В задней части генераторной комнаты были большие аккумуляторы, которые сразу и не заметишь. При ближайшем рассмотрении, датчики батарей светились красным, а не зеленым.

Мы с Джоном узнали, что красный цвет датчика означает, что батарея давно разряжена. Нам пришлось немного потренироваться, пока мы, наконец, не выполнили правильную последовательность запуска. Шум поднялся такой, что нам с Джоном пришлось кричать друг другу, пока не осознали, каковы могут быть последствия наших действий. Мы бросились в диспетчерскую, и Джон тут же переключился на камеры у дверей главного входа.

Твари по-прежнему были там, и, похоже, не реагировали на шум. Диспетчерская была недалеко от генераторной. Негромкое, но непрерывное гудение от двигателя слышалось отчетливо. Довольные тем, что не потревожили тварей, мы вернулись в генераторную, чтобы проверить датчики. Они стабильно зеленели. Для полной зарядки потребовалось всего два часа, и потом мы выключили генераторы. В сети электричество чудесным образом сохранилось.

Какой-то задней мыслью я не переставал думать, что означали те вспышки выстрелов. Зачем кому-то стрелять в других выживших, если те не собираются причинить ему вреда? Я не понимаю, что за радость человек может получить от убийства себе подобного в таком мире как этот? С января мне неоднократно приходилось «убивать заново», но мне не приходилось направлять оружие на человека. В свете последних событий все определенно может измениться.

<http://tl.rulate.ru/book/15809/323472>